

«Слово» стоит весьма близко к памятникам древнерусского проповедничества, в частности к проповедям Серапиона Владимирского, созданным после татарского нашествия. В этом тексте не раз мы находим упоминание о «князех немилостивых», говорится в нем о приметах приближения «последних дней», в том числе о пожарах в борах и болотах, о которых многократно сообщается и в летописных известиях.

Даже в текстах патристических произведений, бесспорно определяемых как переводные, нередки интерполяции русского происхождения, например содержащие имена божеств славянского пантеона. Так, в слове, приписываемом Григорию Богослову, читаем о почитании языческих богов древними славянами: «Тѣмъ же богомъ требу кладуть и творять и словеньскыи языкъ. Виламъ и Мокошѣи, Дивѣ, Перуну, Хърсу, роду и Рожаницѣи, упиремъ и берегынямъ и Переплуту. И вертячеся пють ему в розѣхъ и Огневи Сварожицю моляться, и навѣмъ мовѣ творять, и в тѣстѣ мосты дѣлають, и колодязѣи и ина многа же на утѣхъ».³⁰

Нередко можно встретиться и с таким явлением, когда в переводной письменности литературный материал, восходящий еще к языческой античности, преподносится под именем какого-либо патристического авторитета. Под заглавием «Разумения единострочные Григория Богослова» читаются, например, афоризмы Менандра, древнегреческого драматурга IV в. до н. э.³¹ Поэтому-то к переводным памятникам патристического содержания требуется особенно осторожный подход. Они нуждаются в строгом текстологическом исследовании, чтобы в них выделить все исторические напластования и отделить переводной фонд от самобытного творчества южнославянских и древнерусских книжников.

Насколько не определены еще взаимоотношения между переводным и оригинальным в древней славяно-русской письменности, можно судить, например, по изучению знаменитых «Изборников» Святослава. Если относительно «Изборника» 1073 г. нет сомнения, что он переведен в Болгарии в царствование Симеона и что все находящиеся в нем статьи восходят к греческим оригиналам, как это было установлено еще А. В. Горским,³² то с «Изборником» 1076 г. дело обстоит значительно сложнее. Еще в 1934 г. Н. П. Попов доказывал не только то, что этот памятник был создан на почве Киевской Руси, но и то, что его составителем и возможным автором многих статей был Иларион, первый киевский митрополит из русских, поставленный независимо от константинопольского патриарха.³³ Позднее советский исследователь И. У. Будовниц, рассматривая состав и содержание «Святославова изборника» 1076 г., хотя и полемизировал с Н. П. Поповым, считая тон и дух статей «Изборника» находящимися в противоречии с известным нам творчеством Илариона, однако все же полагал, что это памятник русской литературы и что ни одна из статей, приписываемых в «Изборнике» 1076 г. Иоанну Златоусту, Василию Великому и Афанасию Александрийскому, на самом деле им не при-

³⁰ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1873, стр. 232—234.

³¹ М. Н. Сперанский. Разумения единострочные Григория Богослова и Разуми Мудрого Менандра в русском переводе. — ИОРЯС, 1898, т. 3, стр. 541—544. См. также: А. И. Клибанов. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 158—181. Там же другие примеры подобного же рода.

³² А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание рукописей Синодальной библиотеки, т. II, ч. 1. М., 1859, стр. 365—405.

³³ N. P o p o v. 1) L'izbornik de 1076 dit le Svjatoslav, comme monument littéraire. — Revue des études slaves, t. XIX. Paris, 1934, pp. 1—2; 2) Les auteurs de l'izbornik de Svjatoslav de 1076. — Revue des études slaves, t. XV. Paris, 1934, стр. 3—4.